

Отзыв

доктора филологических наук Алия Ахматовича Чеченова на автореферат диссертации Юрия Николаевича Исаева «Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10. 02. 20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Диссертационная работа Ю.Н. Исаева, судя по автореферату, посвящена комплексному исследованию фитономической (в основном дендрономической) лексики чувашского, русского и ряда других языков в структурно-семантическом, сопоставительном, когнитивно-дискурсивном и этнолингвокультурологическом аспектах. Исследования по интегрированному сопоставительному анализу фитономической номенклатуры в отечественном языкознании стали появляться с рубежа второго и третьего миллениумов (ср., например, работы Н.А. Красс (2000), Н.С. Котовой (2007), А.Ф. Сагитовой (2008), Ягумовой (2008), В.Б. Колесовой (2009), Т.Н. Панковой (2009), Л.Ф. Пуциловой (2009), Л.М. Бояркиной (2010), А.А. Котхе (2010), Л.В. Борисовой (2014) и др.)

В чувашском, да и в тюркском, языкознании такого плана многоаспектных, интердисциплинарных исследований (разумеется, за исключением монографических работ нашего соискателя (см. Исаев, 2010, 2011, 2013) и его многочисленных статей), пожалуй, и не было. Уже сам факт активного вовлечения молодых языковедов в комплексное междисциплинарное контрастивное изучение репрезентированных фитономической номенклатурой национальных языковых картин мира является неопровергаемым свидетельством высокой актуальности, востребованности научно-теоретической и практической значимости проблемы, разрабатываемой Ю.Н. Исаевым на эмпирическом материале чувашского языка.

Диссертация состоит из введения, пяти глав и полагающегося научного аппарата.

В первой главе «Фитонимы, как составная часть языковой картины мира», автор остановился на основных научно-теоретических постулатах, на которых основывается понятие языковой картины мира в антропоцентрической парадигме изучения языка.

Соискатель утверждает, что «фитономическая картина мира» входит в более широкую картину мира... Проблема взаимоотношения фитономической (дендрономической) номенклатуры с языковой картиной мира мне представляется несколько по-другому. Я невижу оснований распространяться о «фитономической картине мира» в целом хотя бы

потому, что фитономическая лексика может репрезентировать только относительно небольшой фрагмент общей языковой картины мира.

Явно неудачным оказался и предлагаемый соискателем соблазнительный термин «флорема», который трактуется как совокупность слов, относящихся к различным тематическим подгруппам (?) и объединенных общим семантическим компонентом «растительный мир», лексической, грамматической, и словообразовательной разновидностям (?). При этом соискатель «флорему» приравнивает к текстовым единицам» (с.10).

По своему структурному облику термин «флорема» явно подстраивается в ряд таких терминов, как фонема, *морфема*, *лексема*, *сингагма*, уже прочно утвердившихся в качестве общих наименований соответствующих элементов разных структурных уровней языка. Но «флорема», даже если приравнять ее к текстовым единицам (т.е. дискурсу) не может относиться самостоятельному строевому уровню языка. Что же касается понятийного континуума «растительный мир», то с ним как нельзя лучше соотноситься привычный термин «флористическая лексика» (частью которой являются «фитонимы» включающие в собственный состав «дендронимы»).

Во второй главе «Фономорфологическая характеристика ботанической лексики», по утверждению соискателя, рассматриваются вопросы «синхронной реконструкции структуры фитонимов» (на самом деле производится анализ морфологической структуры дендронимов), «фономорфемной характеристики ботанической лексики» (я бы все же развел фонетику и фонологию от словообразования и «поселил» их в своих «квартирах» в структуре языка). Под маловразумительным термином «синхронная реконструкция», очевидно, скрываются широко применяемые в сравнительно-историческом языкознании методы внутренней и внешней реконструкции. В этой главе, на мой взгляд, не было никакой необходимости «распыляться» на алтайские, уральские, кавказские, индоевропейские и прочие языки. Во всяком случае общая этнолингвокультурная направленность проблемы репрезентации языковой картины мира в фитономической (дендронимической) номенклатуре чувашского языка не требует ни выхода на «фономорфологическую характеристику ботанической лексики, ни, тем более, распространения на другие языки.

В третьей главе диссертации «Изосемические модели и устойчивые языковые сигналы в фитономическом пространстве ряда языков», по утверждению самого соискателя, рассматриваются изосемантические модели и устойчивые языковые сигналы в фитономическом пространстве ряда языков (с. 24). К этому нечего добавить и убавить. При эксплицировании так называемых «изосемантических рядов» я бы порекомендовал разграничивать собственно семантику (исходное, номинативное значение) от значений вторичных (переносных, добавочных, комбинативных, образных, побочных,

реляционных и т. п.) и, в особенности, от оккциональных и обусловленных контекстом функциональных речевых значений, а также узуальное значение (в языке) от побочных значений (в речи) и т.д.

Заглавная проблема «фитономической картины мира» вплотную рассматривается в главе четвертой «Синтагматические парадигматические особенности фитонимов в фольклорном и художественном дискурсе, в паремиологии и фразеологизмах». Этот заголовок можно было сформулировать более компактно, например: «Функциональные особенности фитонимов (дендронимов)». Разумеется, функция дендронимов в данном случае понимается как свойственная в языковой системе способность к выполнению определенного назначения (в соответствии с темой диссертации – репрезентации языковой картины мира). Изучение функциональных особенностей фитономической номенклатуры автоматически предполагает комплексный анализ обозначенной тематической группы лексики во всех ее проявлениях – вербальном (лексика, фразеология, паремиалогия, дискурс: фольклорные, прецедентные, литературные и прочие вербальные тексты), ментальном (верования), акциональном (действия), объектно-предметным и т. д.. Языковая составляющая (собственно фитономическая лексика) должна рассматриваться при этом как активно действующая часть культуры, как один из основных инструментов формирования, хранения и передачи этнокультурных ценностей (в частности, этноязыковой картины мира) от поколения к поколению внутри этноса, а также трансмиссии в пространстве в условиях взаимодействия различных этнических обществ.

Последняя глава исследования «Ассоциаты как языковые средства объективации когнитивных признаков концепта “фитонимы”», по определению автора диссертации, посвящена разработке методики проведения ассоциативного эксперимента, анализу проблем исследования данных ассоциативного эксперимента, определению национального компонента семантики слов-фитонимов (с.33).

В данном случае меня смущает слово «ассоциат», которого я не нашел ни в одном из подручных словарей, справочников и энциклопедий. Насколько мне известно, **концепт** – это понятие, лежащее в основе научного построения; замысел, изначальная идея; в лингвистике под термином «концепт» понимается исторически сложившийся, целостный, нерасторжимый, понятийный комплекс языковых значений, относящихся к основополагающей ментальной, духовной или жизнеобразующей сфере бытия человека. Мне не понятно, с какой стати «фитонимы» то есть совокупность названий растений, вдруг стали «концептом», а названия «фитонимов» (?) - ассоциатами (с.34).

В заключительной главе в общем-то речь идет о так называемой «методике ассоциативного эксперимента», которая в сущности сводится к анкетированию (см. с. 287 и след. диссертации). Выражение «ассоциативный

эксперимент» не дает определенного представления о сути процедуры. Поэтому я назвал бы заключительную главу прямо и понятно: «Результаты экспериментального изучения ассоциативных полей фитонимов». Под «ассоциативным полем» в лингвистике традиционно понимается совокупность ассоциативных представлений, так или иначе связанных с данным словом.

Экспериментальное изучение ассоциативных полей номинативных средств языка представляется весьма актуальным и перспективным в изучении исторической динамики языковой картины мира, так как дает синхронный срез темпоральной трансмиссии этнокультурных ценностей внутри этноса, да и еще много чего интересного.

В этой связи особо хочется подчеркнуть, что соискатель впервые разработал методику экспериментального изучения понятийных полей лексики и впервые широко его использовал на практике. Думаю, что эта методика в дальнейшем будет усовершенствоваться с учетом выявленных в ходе его практического применения новых приемов и идей.

В заключении хочется отметить, что Ю.Н. Исаев внес весомый вклад в формирование и развитие новой в чувашском языкоznании интердисциплинарной отрасли – этнолингвокультурологии. Отмеченные в отзыве шереховатости в основном касаются стилистической и, отчасти, методологической сторон исследования. Этнолингвокультурология вообще, а чувашская и подавно, находятся в младенческом состоянии, и этим объясняется недоработанность многих теоретических и методологических проблем синтеза языка и культуры и интеграции таких самостоятельных дисциплин, как языкоznание, культурная антропология, этнология, история, да и еще целого ряда социально-гуманитарных дисциплин. Но, как говорится, госпожа Наука идет маленьими шагами и своим чередом получает все новую информацию. Диссертация Ю.Н. Исаева, надеюсь, явилась ей хорошим подспорьем и стимулом для дальнейшего продвижения вперед.

А мои привередливые замечания прошу принять как побуждение, как импульс для дальнейшего продвижения через тернии к звездным вершинам науки. Буду рад, если мои соображения окажут хоть какой-то стимул для дальнейших более глубоких исследований акцентированных проблем чувашской этнолингвокультурологии.

Диссертационная работа Ю.Н. Исаева «Фитономическая картина мира в разноструктурных языках» представляет в целом серьезное и содержательное, глубоко продуманное и щедро фундированное пертинетным репрезентативным эмпирическим материалом самостоятельное научное исследование, посвященное архисложной и слабоизученной, а потому в высшей степени актуальной проблеме отражения в фитономической

номенклатуре фрагмента языковой картины мира, и вне всякого сомнения заслуживает всяческой похвалы и поддержки.

Выдвинутая на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание диссертационная работа Юрия Николаевича Исаева «Фитономическая картина мира в разноструктурных языках» соответствует профилю совета Д.212.301.03 полностью отвечает паспорту данной научной специальности по определениям: «разработка и развитие языковедческой теории и методологии на основе изучения генетически связанных родственных языков и установления соотношения между родственными языками и описание их эволюции во времени и пространстве»; «изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними» и «исследование и описание языка через его системное сравнение с другими языками с целью пояснения его специфики», а также требованиям ВАК при Министерстве образования и науки РФ «О порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий».

Автор диссертационного исследования Исаев Юрий Николаевич заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук Чеченов Алий Ахматович

04 января 2016 г.

г. Москва

Почтовый адрес: 117630. г. Москва, ул. Акад. Челомея, д. 2, кв. 78.

Контактный телефон: 8 495 765 5230; 8 495 762 9192.

Факс: 8 495 510 61 13.

E-mail: alichech@mail.ru